

РАЗДЕЛ II

**■ НОВОЕ ЕВРАЗИЙСТВО:
PRO ET CONTRA ■**

Евроинтеграция в поли- кризисе: выводы для евра- зийства

Говоря о политических или экономических аспектах евразийского проекта, следует поднять вопрос о том, почему в современной России — единственной подлинно евразийской континентальной державе — длительное время пальма первенства в практических внешнеполитических усилиях отдавалась контактам с западноевропейскими интеграционными объединениями. Евразийство же, в лучшем случае, не выходило за рамки привлекательной во всех отношениях идеи, хотя налицо географический, исторический, культурологический и ряд других критериев его органичного соответствия российской государственности и национальным интересам. Расхожее мнение: первое, мол, представляло объективную реальность для нашей внешней политики и внешнеэкономических связей и до последнего времени успешно развивалось, а второе направление оставалось лишь гипотетической возможностью. Неубедительно.

Следует вспомнить, что ведущие российские эксперты уже в первой половине 90-х годов XX века руководствовались пониманием, что подобная несбалансированность во внешнеполитических приоритетах не отвечает национальным интересам. Значительное внимание развитию азиатского и евразийского вектора нашей внешней политики придавал выдающийся политический и государственный деятель России академик Е.М. Примаков.

В пользу западноевропейского вектора, разумеется, на слуху доводы о том, что страны Евросоюза для нас всегда являлись (надеемся, и будут являться) крупнейшими торгово-инвестиционными партнерами, что Россию и осталь-

ную Европу связывает общее пространство безопасности и сотрудничества, что наша страна принадлежит, без сомнения, европейской культуре. Во многом нас связывают сходство менталитета, и, что немаловажно, общие морально-нравственные нормы. Заметим, что все эти справедливые аргументы традиционно приводятся исключительно в пользу общеевропейской интеграции.

Между тем, в нашем ее понимании — от Лиссабона до Владивостока, данные объективные факторы вовсе не противоречат идеалам евразийства. Причем не только не противоречат, но и обуславливают важность и возможность строительства проекта по-настоящему Большого евразийского партнерства, единого пространства от Атлантики до Тихого океана. Как подчеркивал президент России В.В. Путин, для реализации этой цели мы открыты к совместной работе со всеми, кто к этому готов, но на основе равноправия, учета интересов друг друга, соблюдения международного права во всей его полноте.

Задача непростая: указанные президентом политические предпосылки для ее выполнения в полной мере пока отсутствуют. И отнюдь не по нашей вине.

Сделанная западными политиками ставка на эксплуатацию мифа о российской угрозе, политику санкций и конфронтацию с Москвой подстегнули разворот России на восток евразийского континента, к динамично развивающимся торговым, инвестиционным, а сейчас и технологическим рынкам будущего. В целях ухода от навязываемой нам неравноправной постбиполярной модели сотрудничества с западными странами, нарушавшей наши национальные интересы вплоть до угроз законным требованиям безопасности, возникла новая внешнеполитическая реальность — евразийская национальная идентичность нашей страны стала приобретать практические очертания.

При реализации поставленной президентом России задачи перспективного формирования Большого евразийского партнерства представляется важным обеспечить двуединство усилий. Чтобы преодолеть нынешний созданный не по нашей инициативе тупиковый эффект в отношении

ях с Евросоюзом, следует действовать как на европейском, так и на азиатском векторах сотрудничества. С одной стороны, хотелось бы рассчитывать на укрепление подходов в пользу трансформации Европы без разделительных линий, закрепление в политическом общественном сознании континента понимания безальтернативности общеевропейского ответа на вызовы и угрозы, с которыми приходится сталкиваться современной Европе. С другой — все большую добавленную политическую и экономическую стоимость и для России, и в целом для международного сотрудничества имеет развивающаяся шаг за шагом поэтапная интеграция в рамках ЕАЭС и ШОС. Укрепление связей в рамках ОДКБ, сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути, развитие контактов ЕАЭС и АСЕАН, да и в целом — всестороннее взаимодействие со странами азиатского континента, включая не в последнюю очередь гуманитарные и культурные контакты, это процессы, позитивно влияющие на большую евразийскую интеграцию. В нынешних условиях, когда в мировой политике и глобальной экономике все больший вес и значение приобретают межгосударственные макрорегионы, основанные на принципах равноправного интеграционного сотрудничества, игнорировать преимущества сбалансированного взаимодействия как с Западом, так и с Востоком означало бы противоречить реализации общей потребности превращения евразийского материка в ареал устойчивого развития, мира, безопасности и процветания.

Между тем, идеологи западноевропейской интеграции предпочитают пока не замечать преимущества взаимодействия с ЕАЭС. Тем самым сужаются возможности для реализации объективной тенденции смещения инвестиционных и технологических центров обеспечения экономической динамики на Восток. Национальным элитам и общественному мнению стран Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ), испытывающим интерес к сотрудничеству с ЕС, предлагают альтернативу: либо с Россией, либо с Евросоюзом. Продолжая мыслить постбиполярными категориями, от одного саммита Евросоюза к друго-

му дублируются все те же постулаты в отношении стран, входящих в проект Восточного партнерства. При этом не меняется его цель: по авторитетному мнению немецкого политолога Александра Рара, втянуть Азербайджан, Армению, Белоруссию, Молдавию, Украину в орбиту Европейского союза и изолировать Россию¹. На практике такая политика раскалывает не только страны «общего соседства» на «проеэсовские» и «пророссийские» столицы, препятствуя гармоничной реализации их интересов к поступательному развитию сотрудничества и с Западом, и с Востоком, но вредит и самому ЕС. Его участникам жестко навязывается перспектива потерять российские рынки, разворачивающиеся на Восток. Американским компаниям — в отличие от их европейских конкурентов — такая перемена уж точно не помешает. Убедительный пример — реализуемый американской дипломатией и корпоративным сектором комплекс мер по замене поставляемого в Европу относительно дешевого российского трубопроводного природного газа более дорогим американским сжиженным. Пример не единственен. Произошедшее за последние три года сокращение объемов российско-еэсовских торгово-инвестиционных связей при относительно неизменности объемов торговли с США убедительно это подтверждает.

Возвращаясь к поставленному выше вопросу о причинах нашего «пленения» идеалами общеевропейского сотрудничества, а в торгово-экономической практике — партнерства с ЕС, стоит указать на известную роль субъективного фактора.

Уже на заре европейской интеграции в нашей стране внимательнейшим образом рассматривали происходящие в странах Западной Европы новые тогда для нас процессы межгосударственной экономической либерализации. Вспоминая с высоты прожитых лет старые тексты, отмечаешь, во-первых, доскональное знание исследователями деталей механизмов, с помощью которых объединялись рынки товаров и услуг, высокое качество анализа (ему и сейчас можно позавидовать) социальных и экономических

последствий переплетения экономик. Трудно отделаться и от впечатления, что в самых разных исследованиях, разумеется, в различной степени, присутствовал некий политико-экономический романтизм или, как минимум, унаследованное от советских реальностей стремление к обслуживанию определенной политической детерминанты.

В советской идеологии вначале преобладал критический настрой: дескать, развивая интеграцию, они там с общим кризисом капитализма борются, а он все равно загнивает. Затем, с конца 80-х гг. XX века и почти до конца нулевых годов XXI века, а то и позже, тональность поменялась с точностью до наоборот. В силу прозападного европоцентризма, пришедшего на смену биполярному мировоззрению, независимый научный анализ в существенной степени подавлялся восхищенно комплиментарным тоном: интеграция, глобализация, либерализация воспринимались как панацея от всех российских болезней.

Пожалуй, ни в одной другой стране, как у нас, научные труды на тему европейской интеграции не издавались такими большими тиражами. Ряд текстов читался увлекательно — масса подробностей на предмет организации международного экономического сотрудничества, неизвестных для позднесоветского читателя. Каков же был практический эффект? Помню, например, после их изучения во второй половине 1970-х — начале 1980-х гг. свое изумление молодого аспиранта и научного сотрудника, искавшего умные мысли для темы инвестиционного сотрудничества стран-членов СЭВ: надо же, как у них все работает? А нам-то что делать в стагнирующем социалистическом лагере с их, похоже, успешным опытом общего рынка?

Зависимость от идеологической парадигмы и вынужденного поэтому эмпиризма стала разрешаться только в 1980-е гг. В научных работах был сделан прогнозный вывод о неизбежности процессов политической западноевропейской интеграции, неожиданный тогда для привыкших не заглядывать вперед. Хотя о нынешних обязательствах стран ЕС военно-политического характера и об общей

внешней политике и политике в области безопасности Евросоюза, разумеется, еще никто не помышлял. На фоне популярного во второй половине 1980-х гг. лозунга о «новом мышлении» практиками не были услышаны предостережения о том, что через какое-то время Россия будет иметь дело не только с экономическим, но и с новым политическим гигантом на Западе. Не состоялась и логично вытекающая из этого ломка устоявшихся представлений о послевоенном устройстве Европы. Не появились озабоченности на предмет неизбежных геополитических сдвигов, новых вызовов для российской суверенной внешней политики. Не было и в помине понимания, что расширение западных союзов, укрепление коммунитарных связей в Европе чревато непоправимыми последствиями для России. Взамен пришли иллюзии о скором вхождении в «общий европейский дом», просуществовавшие еще полтора десятка лет.

Прикладные выводы наших исследователей долгое время не были полностью востребованы в практическом плане — вплоть до начала строительства евразийской экономической интеграции. Вместе с тем, с точки зрения политических и экономических предпосылок западноевропейской и евразийской интеграции, просматриваются определенные параллели. Также как и у русских теоретиков и практиков евразийского движения интеграция на Западе пережила неизбежный этап романтизма, приспособления идей к реальным политическим и экономическим условиям, зачастую далеким от идеалистических представлений теоретиков. Для объединительных процессов потребовалась не только готовность всех участников, но и благоприятная внешняя среда, заинтересованность ведущих союзников.

Первая практическая попытка от теории перейти к делу и воплотить в жизнь идею панъевропеизма (Европейский Федеральный союз) в Западной Европе была предпринята между Первой и Второй мировыми войнами. Задумки Р.Н. Куденхове-Каллерги и А. Бриана были ответом на угрозы интересам национальных элит Франции,

Австрии и других стран от экономического кризиса конца 1920-х гг. Проект не прошел: идеалы мирного сосуществования наций не воспринимали итальянский фашизм и германский нацизм. Вдобавок в странах-сторонниках Союза единства не было.

После Второй мировой войны геополитическая ситуация кардинально изменилась. Западноевропейские элиты были крайне озабочены задачей военно-политического противостояния советскому блоку во главе с мощным СССР. Требовалось объединение сил. Закладывались и здравые идеи послевоенной консолидации, предотвращения восстановления немецкого милитаризма, абсорбирования победителями экономик побежденных стран, в первую очередь — Германии и Италии. Тезис о необходимости экономического и политического объединения послевоенной Европы был возвращен в европейскую повестку практически сразу после победного 1945-го — в Цюрихской речи У. Черчилля (сентябрь 1946 г.). Масштаб фигуры соответствовал размаху проекта. И тем не менее, еще долгое время казалось, что гора родила мышь, и что больше был в свое время прав В.И. Ленин, утверждавший, что «Соединенные штаты Европы при капитализме либо невозможны, либо реакционны». Вместо реализации красивой идеи британца о создании Соединенных штатов Европы, т.е. поэтапного объединения государств на основах федерализма, почти десять лет потребовалось до начала куда более скромной интеграционной модели — сначала формирования Общего рынка угля и стали, затем — ликвидации барьеров на пути трансграничного передвижения товаров, услуг, капиталов, рабочей силы (Римский договор).

Как представляется, одной из основных причин задержки уже тогда стал внешний фактор — незаинтересованность заокеанского партнера в резком усилении старушки Европы. На смену безуспешным попыткам европейцев запустить в послевоенные годы организационные структуры военно-политической интеграции на континентальной основе пришел Североатлантический договор. Их экономическую интеграцию вначале пришлось огра-

ничить относительно узким сектором рынка угля и стали. Более широкое объединение рынков было преждевременно — небезызвестный план Маршалла формировался на двусторонней основе. Тем временем транснациональные корпорации с преобладающей долей американского капитала успешно освоили промышленные и финансовые рынки отдельных европейских стран. С началом западноевропейской экономической интеграции, развернувшейся на основе обязательств Римского договора, они получили дополнительные конкурентные преимущества: используя к тому времени уже господствующие позиции США в трансатлантической политике, в мировой финансовой системе, в международных расчетах, укрепиться американским ТНК за счет интеграционных механизмов в ряде отраслей объединяющихся европейских рынков было проще. Уже в 50-х гг. прошлого века была заложена действующая поныне атлантическая парадигма европейской интеграции. По необходимости или с готовностью она была признана элитами почти всех стран, вступивших в Евросоюз (в том числе постсоциалистическими в 1990-е гг.): интеграция, включая соответствующие финансовые гранты, в обмен на атлантическую военно-политическую лояльность. Или: сначала завоевание «господствующих высот» зарубежными ТНК, затем «скрепы» НАТО, и только потом — взаимные торгово-экономические привилегии.

Стоит подчеркнуть: в биполярном мире реальное соперничество двух мировых сверхдержав все же придавало какой-то смысл красивым словам об атлантической солидарности. Сейчас, в новых условиях, похоже, попытки сохранить архаичную блоковую архитектуру безопасности обнажили отчетливую экономическую мотивацию — не найти лучшей ширмы для продвижения интересов океанских военно-промышленных и энергетических компаний. Для этого и используют миф о российской угрозе, пытаются заморозить отношения с Россией. Геополитические реальности кардинально поменялись. Можно перифразировать название известной книги З. Млынаржа: сейчас «мороз приходит НЕ из Кремля».

При всех принципиальных различиях генезисов западноевропейской и евразийской интеграции (в первую очередь, в плане военно-политического сегмента) просматривается определенное сходство в постепенном и отчасти противоречивом выстраивании всех необходимых предпосылок. Путь от склонных к изоляционизму и противопоставлению России и Запада идей основоположников евразийства (классического и эмигрантского течений) к практическим интеграционным проектам оказался долгим и тернистым.

Оказалось, что СНГ на практике не стало и не могло стать предвестником, тем более началом нового процесса, сердцевиной которого по своему географическому положению, военно-политической, экономической и этнокультурной роли заслуженно должна была стать и стала Россия. С начала 1990-х гг. для постсоветских политических, а еще в большей степени экономических элит Содружество на том этапе явилось, скорее, площадкой для реализации групповых интересов и национальных амбиций. Первоначальное накопление капитала строилось на разделе собственности бывшего СССР, создании своих национально-государственных механизмов управления, а не на интеграции.

Сыграл свою роль и преобладавший в 1990-х гг. прозападный настрой российской элиты. Пребывая в иллюзиях, что нас ждут как равных партнеров на Западе, из Москвы увлеченно говорили о готовности к пресловутым европейским ценностям, идентичности наших базовых интересов. В результате убедили себя и западников, что альтернативы европейскому пути у России нет. Одновременно, распрощавшись с имперским прошлым, оставили для освоения нашим извечным геостратегическим соперникам, в том числе и из Евросоюза, жизненно важные в экономическом и в военно-политическом отношении территории — вначале наших бывших партнеров по СЭВ и ОВД, а затем и по СНГ.

Разумеется, политологи, анализирующие причины последовавшей потери Западом России, могут сколь угодно рассуждать, что история, мол, пошла бы по-другому,

если бы принимающие решения политики не отвергли настроя Москвы в 1990-х гг. на вступление в НАТО и на качественное сближение с ЕС. Эти организации приобрели бы тогда действительно общеевропейский характер, была бы заложена надежная институциональная основа под будущее общеевропейское сотрудничество, предотвращена опасность последующих разногласий и противоречий в интересах, подозрений и напряженности в отношениях, перерастающих сейчас в откровенную конфронтацию. Думается, что такое сослагательное наклонение ложно.

Запад, даже в случае победы вышеупомянутых прозорливых стратегов, вряд ли смог бы на деле, а не на словах соблюсти необходимое условие перерастания разрядки в конструктивное партнерство, а затем и в интеграционные шаги. Для этого потребовалось бы, как минимум, обеспечить на практике равноправие отношений с Россией. На Западе к такой модели не готовы и сейчас, тем более не были готовы в начале 1990-х гг.

Уместно вспомнить, что в среде теоретиков-политологов необыкновенную популярность имел тогда лозунг о «конце истории», отсутствии альтернативы либеральной демократии по западному типу, конце идеологических противостояний и противоборств. У практических политиков крайнее выражение подобные взгляды получили в заявлениях о победе США в холодной войне, как это сделал Буш-старший в своем предвыборном заявлении в 1992 г. Так о каком равноправии могла идти речь с «побежденным»?

Разумеется, не стоит упускать из виду, что Россия оказалась бы весьма непростым орешком для Запада. Амбиции молодого, растущего как на дрожжах национального капитала в сочетании с атрибутами постсоветского общественного бытия и сознания — нашими примитивными в то время представлениями о рыночных механизмах и способах подъема неэффективной экономики, пренебрежительным отношением к верховенству закона и правочеловеческим стандартам — могли бы стать испытанием для приверженности западных лидеров европейскому выбору России. Только вот испытание и не началось.

Сейчас для нас уже неважно, чем при этом западники руководствовались: протестантским себялюбием, сиюминутным материальным расчетом, нежеланием принести в жертву собственные краткосрочные интересы во имя общего блага и стабильности на отдаленную перспективу. Возможно, уверенностью, что еще долго после 1990-х гг. продлятся российская экономическая и административная слабость, извечный русский идеализм, изначальная склонность доверять и завышать ценность партнеров. Неважно. На этот раз, как говорится, поезд ушел.

В конечном счете, всё решили не столько опасения, сколько циничный и прагматичный характер расчетов западных политиков: куда, мол, они денутся без западных технологий, а тогда, кстати, и продовольствия. Думается, что диалог был возможен, коль скоро на российской стороне присутствовала политическая воля и в целом прозападное общественное сознание. Следует вспомнить, что в заключенном в 1994 году Соглашении о партнерстве и сотрудничестве России с ЕС имелаась статья, включавшая обязательство нашей страны развивать свое законодательство в ключе правовых норм и принципов Евросоюза. По оценке экспертов, уже к началу нынешнего столетия российский нормативный режим в большинстве сфер мало чем принципиально отличался от европейского права. Представляется поэтому обоснованным вывод, что в случае начала Еврокомиссией практически ориентированного политического диалога на действительно равноправных основах с Россией, изначально принадлежащей к западному типу цивилизации, был бы создан прочный базис общеевропейской безопасности и сотрудничества в духе идеалов Хельсинкского процесса. Таким образом, именно выстроенная после «победы» в холодной войне с Россией модель «неуклонной глобализации», будучи нацеленной на обеспечение лидерства и процветания «клуба избранных», не позволила, хотя бы по минимуму принимать в расчет интересы России в традиционных зонах наших интересов. Соответственно, стратегическое партнерство ЕС–Россия даже и без кризиса февраля 2014 г. было в таких условиях обречено на провал.

Правы те аналитики, кто утверждает, что у великой страны может быть только своя неповторимая траектория развития — и это тоже один из уроков евроинтеграции и ценностей евразийства. Показателен в этой связи пример Турции, по своему географическому положению и, отчасти, по особенностям этнокультурного и цивилизационного развития также приближающейся к евразийскому типу. Ее более чем пятидесятилетний тернистый опыт (страна из первых, в 1964 г., стала ассоциированным членом ЕС) продемонстрировал, что переговорный процесс сам по себе может являться положительным фактором развития при всех различиях с Европой и неизбежном стремлении к суверенной внешней и внутренней политике. Однако сейчас в отношении Турции в Брюсселе пытаются камуфлировать истинную причину нынешнего ее разлада с отдельными влиятельными странами ЕС. На официальном уровне — необходимостью соответствовать известным европейским ценностям, а отдельными политиками правового толка — религиозно-этническими различиями между преимущественно христианской Европой и исламской Турцией. Остается очевидным базовое политико-правовое противоречие между попытками наложения извне чужой интеграционной матрицы и суверенными решениями Анкары, предпринимаемыми в защиту национальных интересов.

Если проблема несостоявшейся интеграции России и ЕС носит гипотетический характер, то «ракетный» прием в ЕС в 2004 и в 2007 гг. ряда постсоциалистических стран, как представляется, стал крупнейшим событием последних двух десятилетий в развитии евроинтеграции. На фоне предыдущих волн расширений имел место качественно новый процесс; весь комплекс его последствий, в том числе в ходе разворачивающегося экзистенциального кризиса ЕС, еще впереди. Можно согласиться с мнением С.П. Глинкиной, что «роль и место Европейского Союза в современном мире в значительной степени будет определяться результатами его расширения за счет государств региона, который долгое время назывался “Восточная Европа”»².

Вплоть до четвертого расширения интегрировались страны «старой» Европы с хорошо структурированной рыночной конкурентоспособной экономикой. Движущими мотивами при принятии решения о присоединении к ЕС там были, в первую очередь, интересы повышения конкурентоспособности и эффективности национальных хозяйств — получения дополнительных преимуществ от слома барьеров на пути движения продуктов производства. В ходе пятой и шестой волн, за исключением Мальты и Кипра, интегрировались постсоциалистические общества, в которых только-только начались (зачастую не завершились) переходные процессы.

Относительно невысокая по сравнению со странами «старой» Европы степень экономической, административной, наконец — моральной, готовности к полноформатному членству не стала, как известно, препятствием для полноформатного членства. Чего стоит, к примеру, одно только наличие «неграждан» в странах Балтии, откровенно противоречащее букве европейских правочеловеческих ценностей. Определяющим моментом стала политическая и экономическая заангажированность элит, торопливость при осуществлении переговорного процесса и откровенные натяжки в толковании копенгагенских и, отчасти, маастрихтских критериев. В отдельных случаях преобладающими для национальных элит оказались интересы безопасности, как, например, у разделенного Кипра с его нерешенной территориальной проблемой.

И все же главное отступление от идеалов отцов-основателей Евросоюза состоит в отходе от принципа равных прав и солидарной, равной ответственности. Говоря упрощенно, если до пятой, расширенческой, волны страны ЕС объединялись, чтобы уравниваться в правах с уже вступившими в объединение государствами, то последующие абитуриенты шли в ЕС в надежде на лучшую жизнь. Такая смена вех, как представляется, не может не иметь последствий. Одно из них — явление евроиждивенчества, о ростках которого применительно к кандидатам, да и некоторым странам «молодой» Европы говорят все чаще.

Результатом открытости экономик стран «молодой» Европы по сравнению со странами предыдущих волн были не столько выгоды от возможности свободно и на равных участвовать в справедливой конкурентной борьбе и пользоваться ее преимуществами. Как раз наоборот: их потребительские и производственные рынки оказались переполнены более качественными импортными товарами, что вызвало кризис в большинстве внутренних производств. Главной целью стали инвестиции и технологии, малодоступные до этого в рамках соцлагеря. Условием их получения стало проведение обширных политических, экономических, правовых и административных реформ, содержание и сроки которых фактически задавались извне. «Переход от тоталитарного политического режима к демократии и от централизованно управляемой экономики к рыночной, был совершен путем переноса на национальную почву в полном объеме норм и правил Евросоюза. Это позволяет говорить об осуществлении странами ЦВЕ трансформации через евроинтеграцию»³. Представляется обоснованным вывод о том, что в «молодой» Европе имеет место особый социально-экономический тип — зависимый рыночный капитализм. И вновь возникает вопрос о последствиях, на этот раз — в экономической области, этих неформально проведенных младоевропейцами корректив первоначально декларированных целей и идеалов евроинтеграции.

Экономический анализ успехов и проблем стран ЦЮВЕ, осуществленный учеными Института экономики РАН, свидетельствует о том, что специфика интеграционных связей и внутренней хозяйственной структуры, сформированной по модели «зависимого рынка», не гарантирует устойчивого развития, особенно в кризисные периоды. Инвестиционные параметры ведущих компаний, соответственно, национальных бюджетов, испытывают влияние внутрикорпоративного контроля из штаб-квартир ТНК, расположенных в основном за рубежом. Отношения между трудом и капиталом, как правило, замкнуты на внутрикорпоративные связи и не отводят заметного места

общегосударственным профсоюзам. В целом же это не добавляет молодым европейским демократиям социальной устойчивости, повышается восприимчивость к национал-патриотическим политическим лозунгам. Заметен более низкий уровень оплаты труда, пониженные по сравнению со старыми демократиями жизненные стандарты, да и в целом — отсутствие перспектив выравнивания экономических уровней «молодой» Европы со «старой» подпитывает электорат национально ориентированных политпартий (стоит вспомнить, к примеру, польскую «Право и Справедливость»). Появляется евроскептицизм.

Консервируется технологическое отставание — местные производства служат в качестве платформ для сборки с использованием инноваций, полученных в зарубежных центрах ТНК. «На практике присоединение к европейскому интеграционному объединению несло с собой, наряду с преимуществами, серьезные риски для стран ЦВЕ как наиболее слабых его участников. Эти риски реализовались в полной мере и в области торговли, и в сфере инвестиций, и в финансовой сфере»⁴.

Ученым, разумеется, еще предстоит рассмотреть вопрос о том, как нынешний поликризис или, применяя более политкорректный термин, экзистенциальный кризис ЕС, о котором все больше говорят в странах Евросоюза и в его институтах, скажется на социально-экономических и политических судьбах стран «молодой» Европы. Можно предвидеть, что с учетом известной специфики влияние кризиса может носить комплексный характер и при этом будет дифференцирован по отдельным странам.

В официальных документах Еврокомиссии и в выступлениях представителей разных институтов ЕС и его ведущих стран высказываются озабоченности, касающиеся положения дел в следующих сферах.

Миграция. В ходе самого массового переселения людей в Европу за период после Второй мировой войны существовавшие механизмы обеспечения контроля за внешними границами ЕС и исполнением соответствующих соглашений с государствами-транзитерами оказались недостаточ-

но эффективными. Многократному увеличению числа иммигрантов в результате сирийского и ливийского кризисов (к концу 2015 г. в Европе оказалось около 1 млн чел., т.е. границы ЕС пересекали в основном бесконтрольно в среднем 6 тыс. чел. в день) в Евросоюзе сумели с запозданием противопоставить соглашение с Турцией о предотвращении неконтролируемого въезда. Беженцев стали размещать в странах ЕС на основе квот, причем ряд стран высказали свое несогласие с такой политикой. Просматриваются различные интересы «старой» и «молодой» Европы. Если трудовые балансы у первых (прежде всего в Германии) испытывают потребность в замещении выбывающих по возрасту ресурсов за счет прибывающих из-за рубежа работников, то большинству средних и небольших участников Союза импорт неквалифицированной рабочей силы попросту не нужен в силу невысоких темпов их экономического развития и наличия собственных работников. При этом даже в ведущих экономиках не решены вопросы образования и минимальной квалификации прибывающих из Ближнего Востока и Северной Африки с целью их последующего трудоустройства.

Трудноконтролируемый приток мигрантов обнажил, как минимум, две острые проблемы ЕС, влияющие на общественную стабильность и политические настроения масс. Обострились существовавшие и без того серьезные религиозно-этнические и культурные противоречия с титульным населением. Власти Германии, в частности, еще до кризиса признавали, что задачу мультикультурализма им так и не удалось пока решить. Похоже, что оторвалась от реальности и концепция «большого котла», в топке которого через взаимодействие множества культур с европейскими ценностями должно было бы происходить слияние народов в единую европейскую семью.

Второе, еще более угрожающее европейской стабильности явление — *всплеск терроризма*. Умножение количества жестоких террористических атак против мирного населения ряда европейских стран, исполнителями которых оказались выходцы из Ближнего и Среднего Вос-

тока, открыло глаза населению Европы на угрожающие последствия силового вмешательства Запада в дела стран происхождения мигрантов, приведшее к гибели многих десятков тысяч людей, разрушению стабильных некогда государств и регионов.

Внешняя политика. Европейский союз столкнулся с экзистенциальными вызовами новой геополитической ситуации. Попытки после краха биполярного мира зацементировать навечно сделанную при создании ЕС одностороннюю евроатлантическую ориентацию на заокеанский полюс власти не выдержали испытания временем. С одной стороны, привычная западноцентричная модель политической и экономической организации игнорирует общемировые тенденции. Запад в целом неумолимо теряет позиции. Европе грозит снижение глобального влияния по причине демографического спада и сокращения доли в мировой экономике. К 2050 г. в десятке ведущих экономик мира останутся в лучшем случае лишь две страны, принадлежащие историческому Западу — США и Германия (при этом уже только США будет формально соответствовать критериям G-7 по объемам ВВП) и ни в одном государстве ЕС не будет насчитываться более 1% населения Земли. С другой — прагматичные американцы и здесь опережают старушку Европу, отдавая приоритет защите собственных национальных интересов. В результате возрастают риски для незыблемости послевоенной модели «единого Запада по обе стороны Атлантики». Европе остается пока быть озадаченной намерениями президента Д. Трампа пересмотреть степень практической вовлеченности США в НАТО, его угрозой резкого пересмотра позиций по иранской ядерной сделке и по ядерной программе КНДР. Не ожидали и замораживания уже фактически завершенных переговоров по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству. При значительно обострившейся конкуренции с американскими корпорациями на внешних и европейских рынках европейцы пока мирятся с расширением американцами внеэкономических методов борьбы. По некоторым сведениям, штрафы, вмененные ев-

ропейским компаниям-гигантам на рынке США, уже достигают многомиллиардных сумм.

Привычные ссылки на «руку Москвы» в качестве основного аргумента внешней угрозы, требующего внешнеполитической консолидации рядов, уже не дают эффекта. С одной стороны, в США и примерно в десяти государствах ЕС чиновники бездоказательно обвиняют Россию во вмешательстве в выборы и их внутреннюю политику с использованием новейших информационных технологий. Что вызывает только улыбку: объяснить недавние успехи национал-патриотических политиков, очевидно, просто иначе нечем. С другой — в ряде стран ЕС нарастает критика санкционной антироссийской политики, наносящий большой ущерб экономическим интересам европейских экспортеров. Растет понимание, что санкции не только не достигли цели «порвать экономику России», но и дали возможность отечественным производителям, освободившимся от европейских конкурентов, укрепить в результате контрмер, предпринятых российским руководством, технологическую и продовольственную безопасность собственной страны. В Софии, в частности, заявили, что отказ или сокращение политики санкций станет одной из целей предстоящего председательства Болгарии в Евросоюзе в первой половине 2018 года.

На фоне затянувшегося выхода экономики Евросоюза из рецессии в ряде государств нарастает дисбаланс в финансовой и социальной сферах. Наряду с известными проблемными моментами в «старых» экономиках — Италии, Ирландии, Португалии, Испании, Греции, входящих в зону евро, новую группу риска составляет большинство стран ЦЮВЕ, как пользующихся евро, так и нет. Все они страдают дефицитами государственных бюджетов. В ряде случаев — высокими, что ведет к неуклонному росту госдолга. Его объем даже в относительно благополучных Венгрии, Словении и Хорватии стабильно превышает 60%, допускаемых маастрихтскими финансовыми критериями. В целом же показатель соотношения валового госдолга к ВВП 28 экономик ЕС вырос почти наполовину с момента

введения в обращение евро и превысил маастрихтский рубеж с 60,7% в 2000 г. до 87,4% в 2015 г.⁵

Влияние долгового пузыря ЕС на денежно-финансовое обращение в отдельных странах может возрастать в случае дестабилизирующего нарастания массы проблемных кредитов, опять же в основном в ЦЮВЕ. Только в первом квартале 2017 г., по оценкам, их объем составил в совокупности порядка 1,5 трлн евро. Замечу, что явление неслучайно. Расположенные в странах ЦЮВЕ производств, многократно вертикально завязанные на технологические цепи ТНК «старой» Европы, испытали зачастую более сильный шок после глобального финансового кризиса конца 2000-х годов. Кредитные подпорки, как правило, за счет внешних источников, оказались необходимы для предотвращения банкротств и удержания фирм в орбите материнских компаний, однако они не решили проблемы зависимости. Наоборот, зависимый характер экономик в ряде стран ЦЮВЕ продолжает усиливаться. Выход экономистам Евросоюза видится, в частности, в мобилизации средств государственных бюджетов, стабилизации долгового бремени. Предложения о введении в ходе реформы ЕС коммунитарных обязательств в области налоговой политики — вплоть до ее унификации, воспринимаются, однако, в штыки национальными органами власти, справедливо усматривающими социальные риски в случае повышения налогообложения.

Во внутривнутриполитической расстановке сил в последние годы просматривается снижение популярности евроцентристских политиков и партий. По результатам состоявшихся в 2017 г. выборов кампаний (Великобритания, Франция, Германия, Австрия и Нидерланды) практически везде отмечается небывалый рост евроскептицизма и укрепление позиций национал-патриотических сил, выступающих если не за немедленный выход из ЕС, то за больший учет интересов соответствующих государств, ограничение полномочий евробюрократов и расширение прав национальных органов власти. Можно назвать австрийскую и нидерландскую Партии свободы, Альтерна-

тиву для Германии, чешскую Акцию недовольных граждан-2011. В меньшей степени — Национальный фронт М. Ле Пен во Франции, итальянскую Лигу Севера или бельгийский Фламандский интерес, против которых сейчас развернута массовая пропагандистская кампания. И хотя критической массы, достаточной для отстранения от власти евроцентристов, они так и не набрали, а на выборах в конечном счете к власти пришли проевровские партии, показательно, что ни в одной стране политики, оппонировавшие евродецентрализаторам, не получили прироста голосов избирателей.

Среди причин такого положения стоит упомянуть усталость электората от накладывающихся друг на друга и невиданных ранее в таком объеме проблем: последствия наплыва мигрантов, террористические атаки, растущие экономические и социальные дисбалансы, тревоги международной политики. Конца и края им нет, а реальный прогресс не просматривается как на уровне национальных правительств, так и евроинститутов. Озабоченности возрастают, причины трудностей видятся в навязываемых извне, т.е. из «центра» формулах, зачастую оторванных от непосредственных национальных нужд. Голосование британцев по Brexit убедительно продемонстрировало, что в результате таких настроений возможны неожиданности...

Зато относительное единство достигнуто в части укрепления военного и военно-политического сегмента Евросоюза. Немудрено. Очевидно, на это и были нацелены вымыслы о российской военной угрозе? 13 ноября 2017 г. на Совете ЕС по иностранным делам с участием глав внешнеполитических и оборонных ведомств были одобрены предложения о формировании механизма Постоянного структурированного сотрудничества, создании Европейского оборонного фонда и введении ежегодного Координированного обзора по обороне. Загадкой только остается, каким образом новый военно-политический инструмент сможет помочь борьбе с террористической угрозой, решению последствий неконтролируемой миграции и других известных проблем (о некоторых из которых речь шла

выше), включая экономические, социальные и институциональные вопросы дальнейшего развития Евросоюза.

Ограниченные объемы статьи не позволяют подробно осветить ряд других разворачивающихся в Евросоюзе важных процессов. Интерес представляют причины и последствия происходящей по ряду направлений институциональной регионализации стран ЦЮВЕ. Помимо существующей с 1991 г. Вишеградской группы младоевропейцами созданы еще как минимум три форума лидеров: Варненская четверка, Бухарестская девятка, Инициатива трех морей — для согласования намерений в международной экономической и внешнеполитической сферах. С целью содействия предвступительным усилиям действуют Берлинский процесс и Процесс сотрудничества государств ЮВЕ, куда входят как члены, так и страны-кандидаты и партнеры ЕС. В «старой» Европе подобной дополнительной институционализации не наблюдается. Хватает институтов ЕС.

На всем пространстве Евросоюза все более отчетливо проявляются признаки усталости от евроинтеграции. И в столицах ведущих стран, и в институтах ЕС не удовлетворены медленным продвижением младоевропейцев к полному выполнению принципов ЕС. В том числе в части норм включения в безвизовой режим, в зону евро, требований обеспечения верховенства закона, борьбы с коррупцией, общего пространства правосудия и внутренних дел. В странах-кандидатах, наоборот, зачастую усматривают в повышенных запросах со стороны Еврокомиссии стремление удержать их на периферии ЕС. Со стороны отдельных лидеров, как например, премьер-министра Албании Э. Рамы, появляются заявления о вероятности поменять в этом случае приоритеты на других — внерегиональных — партнеров, заняться интеграцией албанонаселенных территорий соседних суверенных стран. Такого вольнодумства еще несколько лет назад было не представить.

После публикации в марте с.г. «белой книги» ЕС с пятью гипотетическими сценариями изменений в механизмах евроинтеграции был дан старт коллективной мозговой атаке. Высказались многие из руководителей Евросоюза и

отдельных стран, однако фундаментальной объединяющей идеи о том, каким быть и куда идти этому объединению пока не наблюдается. Предлагаемые подходы помимо призывов к единству и сплоченности трудно сочетаются между собой и зачастую противоречат друг другу. Споры идут в основном вокруг паллиативных предложений — создания новых наднациональных институтов или преобразования существующих. Конкретные реформные рекомендации тех или иных политиков приводят пока лишь к взаимной критике. В результате на нынешнем этапе противостоят два условных тренда: революционный и эволюционный. Либо дальнейшая «коммунитаризация» европроекта с упрочением особого положения стран ядра, несущих основную финансовую и политическую нагрузку. Либо сохранение в основном существующей лиссабонской конструкции, при необходимости — точечная корректировка, укрепление выявляющихся слабых мест.

Очевидно, что оживленные дискуссии о судьбах евроинтеграции продлятся еще продолжительное время. Озадачивает все же дефицит новых подходов, сравнимых по масштабам с ориентирами, указанными отцами-основателями европроекта в конце 1940—1950-х гг.: свободные рынки, права и свободы человека, нацеленность на вышплавку единой европейской культуры. Дело, похоже, в разработке новых идей, которые позволят предотвратить разрастание наметившихся противоречий и соответствовать вечным идеалам Всеобщей декларации прав человека, заложенной в основу европейских ценностей. Так или иначе, разговоры на тему предстоящего краха европроекта представляются сейчас малообоснованными. Можно только надеяться, что девиз Евросоюза: «Согласие в многообразии» будет реализован и в новых, значительно изменившихся геополитических условиях. Ведь они-то, собственно, и стали причиной нынешнего экзистенциального Евросоюза, и в одночасье, похоже, поликризис не решить.

На фоне европроекта, идеологи которого пока по-прежнему заняты приспособлением созданных еще в середине прошлого века политических и экономических механиз-

мов к обслуживанию прежней трансатлантической экспансионистской траектории развития Европы, евразийский проект обеспечивает значительно большую свободу маневра, хотя и переживает начальную стадию роста. В отличие от ЕС, на евразийском пространстве существует множество инициатив экономического сотрудничества. Это ЕАЭС, Экономический пояс Шелкового пути, развивается взаимодействие по линии ЕАЭС–АСЕАН, ЕАЭС–ШОС. В рамках Евразийской экономической комиссии разрабатываются подходы к формированию Большого Евразийского партнерства, выстроенного в формате инклюзивного диалога.

Эксперты ЕЭК справедливо исходят из того, что без установления тесных контактов с Евросоюзом такое партнерство будет неполным.

В ЕС, в свою очередь, от самой по себе идеи сопряжения интеграций вроде не отказываются, однако с практическими шагами не торопятся, ссылаясь на отсутствие точек соприкосновения, целесообразность решать вопросы либерализации таможенного и других режимов торговли в двустороннем порядке. По сути, это отказ от диалога интеграций и от предоставляемых им преимуществ широкого евразийского взаимодействия. Между тем, новые возможности были бы, как минимум, полезны для разрешения поликризиса Евросоюза.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: <http://eurasia.expert/aleksandr-rar-vostochnogo-partnerstva-evraziyskogo-soyuza/>.

² Страны Центральной и Восточной Европы — новые члены Европейского союза: проблемы адаптации. М., 2010. С. 9.

³ Постсоциалистический мир: итоги трансформации. Т. 1. Центрально-Восточная Европа. М., 2017. С. 33–34.

⁴ Там же. С. 49.

⁵ IMF. World Economic Outlook Database. 2016. April.